

The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898.

Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.

Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.

Udal'cova Z. V. Le monde vu par les historiens byzantins du IVe au VIIe siècle, in : Byzantinoslavica, 1972. T. 33.

Whitby L. M. The Long Walls of Constantinople // Byzantion, 1985. 55.

Wiemer H.-U. Kaiserkritik und Götterbild im Geschichtswerk des Malchos von Philadelphia // Jenseits der Grenzen. Beiträge zur spätantiken und frühmittelalterlichen Geschichtsschreibung (Millenium Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. Bd. 25). B.- N.-Y, 2009.

Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelsohn. Lipsiae, 1887.

УДК 34"17"(470)+373.3(09) А. М. Сафронова, О. С. Кравченко

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ О ГАРНИЗОННЫХ ШКОЛАХ РОССИИ XVIII в.

В статье анализируются законодательные и нормативные акты, регламентировавшие организацию гарнизонных школ, самого крупного вида учебных заведений России в XVIII в. Раскрываются изменения программ, числа учеников их материального обеспечения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : законодательство; Полное собрание законов Российской империи; гарнизонные школы; солдатские дети; финансирование школ.

Характерной особенностью учебных заведений России XVIII в. стал их ведомственный и сословный характер. Каждое крупное ведомство в условиях острой нехватки грамотных людей и специалистов различного профиля открывало школы и готовило для себя необходимые кадры. Создание Петром I в первой четверти XVIII в. регулярной армии потребовало изменений в подготовке ее состава, начиная с офицерских кадров, кончая рядовыми солдатами. Поэтому неслучайным стало появление в эти годы гарнизонных школ, предназначавшихся для детей солдат и находившихся в ведении Военной коллегии.

Гарнизонные школы успешно развивались на протяжении всего века, стали наиболее распространенным видом начальных учебных заведений России, готовили грамотных солдат, а также унтер-офицеров, писарей и квалифицированных ремесленников для нужд армии. Действовали они при гарнизонных войсках, созданных Петром I для внутренней службы в городах и крепостях. Эти подразделения играли роль учебных войск, поставляли в полевую армию обученный контингент, являлись резервом для пополнения полевой армии; в пограничных областях выполняли функции полевых войск, особенно на Украине и в Прибалтике [Бескровный, 1953, с. 44, 46].

В дореволюционной литературе о гарнизонных школах информация почти отсутствует. В многотомной истории С. М. Соловьева о них упоминается при изложении именного указа 1730 г. о разборе нищих (малолетних из них предписывалось определять в гарнизонные школы, чтоб годились в службу вместо рекрут), при изложении указа 1736 г. об организации поселений отставных солдат (детей, пожелавших обучаться высшим наукам, разрешалось отправлять в гарнизонные школы). Указ 1738 г., без упоминания его авторства (имелся ввиду именной, от 6 августа), С. М. Соловьев трактовал как распространение обязанности учиться в гарнизонных школах на всех солдатских детей, которых приказывалось «обучать чтению, письму и другим наукам; непонятливых обучать разным художествам и ремеслам, какие при полках потребны». Между тем этот именной указ лишь дублировал нормы более раннего именного указа 1732 г. С. М. Соловьев подробно процитировал «мнение» (по его предположению, Миниха), поданное в 1732 г. в Кабинет о необходимости реформирования сбора рекрут для армии с предложением «приискивать всех солдатских и матросских детей и обучать в гарнизонных и других школах, а потом записывать в солдаты и матросы; они крестьянского житья в деревнях не знают и с молодости получают охоту к солдатской жизни, из них будут лучшие рекруты» [Соловьев, кн. 10, с. 230, 461, 463]. О гарнизонных школьниках С. М. Соловьев упомянул и в связи с бунтом 1749 г. и последующими пожарами на фабрике Болотиных. Из-за пожаров владельцы не могли выполнить полностью заказ на поставку сукна государству, поэтому просили Сенат распределить к ним на мануфактуру до 400 малопонятливых гарнизонных школьников от 12 лет и выше, которых в 25 лет обязывались поставить в рекруты. По справке Сената оказалось, что в Московской гарнизонной школе 300 учеников, да сверхкомплектных 545, прибыль казне от 400 отданных на фабрику составит 2841 руб. в год, и Сенат согласился. Мимоходом приведен факт использования школьников для производства кирпича и черепицы на новых фабриках в столице

при итальянских мастерах [Там же, кн. 12, с. 24, 198]. Упоминает Соловьев и об указе Сената (без указания даты), изданном по запросу новгородского губернатора Сиверса, разрешившем принимать в гарнизонные школы на казенное содержание детей бедных дворян [Там же, кн. 15, с. 152].

М. Ф. Владимирский-Буданов в своей докторской диссертации, посвященной отношению государства к народному образованию, отметил, что гарнизонные школы были учреждены указом 1732 г., но это лишь общий устав гарнизонных школ; сами они существовали со времен Петра I, открывались во всех наиболее значительных городах (названы 13 и крепость святой Анны), в 1732 г. в них обучалось 4 тыс. детей низших служилых, бродяг, архиерейских дворян, слуг, детей боярских, дворян. Учителями были офицеры полевых и гарнизонных полков и унтер-офицеры, школы содержались на полковые средства [см.: Владимирский-Буданов, с. 287—288].

Наиболее широкий круг данных о гарнизонных школах ввел в научный оборот М. С. Лалаев в монографии, посвященной военно-учебным заведениям России. Он отметил, что во время переписи 1719 г. дети солдат не были включены в подушный оклад, образовалось особое сословие, не имеющее оседлости. Указом 1721 г. (не оговаривалось, чьим) в каждом из 50 пехотных гарнизонных полков полагалось иметь по 50 вакансий для солдатских детей от 7 до 15 лет [см.: Лалаев, с. 10, 78—83], через 10 лет число учащихся увеличилось до 4 000 человек. Кратко излагалось содержание именного указа 1732 г. о гарнизонных школах, указа Сената 1744 г. о слиянии с ними цифирных школ; отмечалось, что в 1758 г. в гарнизонных школах «считалось уже до 6 000 учеников», а по «Учреждению о гарнизонах» 1764 г. в каждом из 108 гарнизонных батальонов было по 54 школьника и на каждого выделялось по 5 руб. 32 коп. в год. Лалаев привел данные об увеличении численности школьников в 1765 г. до девяти с лишним тысяч человек, а к концу царствования Екатерины II «уже до 12 000 малолетних», остановился на преобразовании школ в отделения Военно-сиротского дома в 1798 г. Все эти данные, кроме открытия школ в 1721 г., приводились автором со ссылками на ПСЗ. Упоминалось и о разрешении принимать в гарнизонные школы с 1774 г. дворянских детей из бедных семей.

Д. А. Толстой упомянул указ 1732 г. о заведении гарнизонных школ и со ссылкой на ПСЗ сообщил об открытии в 1752 г. на Украинской линии школ при 6 полках по 25 учеников, всего со 150 учащимися: в Тамбове, Слободском, Ефремове, Орлове, Белеве, Козловском [см.: Толстой, с. 13]. В брошюре, посвященной «Петровской учебной выставке» 1903 г., приводились данные о числе гарнизонных школ в России: «1724. К этому году

числилось 56 гарнизонных школ, специально для солдатских детей» [Петровская учебная выставка...].

В. В. Каллаш отметил тяжелые условия обучения в гарнизонной школе, «по правилам которой за неявку на уроки садили на цепь в тюрьму» [Каллаш, с. 95]. Видный историк педагогики П. Ф. Каптерев, подробно анализируя учебные заведения первой половины XVIII в., указал на существование гарнизонных школ для солдат как сословных учебных заведений: «Солдатские дети должны были учиться именно в гарнизонных школах и подготавливаться к военному званию; переход в другие сословия и школы им воспрещался» [Каптерев, с. 113]. М. И. Демков раскрыл «состав низшего военного образования, определенный в 1732 г., обучать: 1) словесной и письменной науке и пению, 2) солдатской экзерциции, 3) арифметике, артиллерийской и инженерной науке. <...> Дальнейшее естественное течение хода образования привело к тому, что из смешанного типа военно-гражданских школ выработался один чисто военный; начало общего образования поглощено было вполне элементом профессиональным» [см.: Демков, с. 58]. Напротив, А. Князьков, Н. И. Сербов, по сути, вычеркнули гарнизонные школы из истории образования: «В 1744 г. цифирные школы присоединили к полковым гарнизонным школам, вкупе с которыми и скончали живот свой, приравняв кончину мирную и незаметную, исчезли, как-то выродившись, вследствие отсутствия учеников и неимения учителей» [Князьков, Сербов, с. 54]. Подобного мнения придерживались и историки школы Г. Фальборк и В. Чарнолусский: «При Анне Иоанновне учреждены гарнизонные школы, нанешие окончательный удар цифирным школам, но сами также оказавшиеся мертворожденными. <...> Елизавета Петровна делала попытки восстановления то цифирных, то гарнизонных школ, но так как все дело ограничивалось указами, то из этого конечно ничего не выходило» [см.: Фальборк, Чарнолусский, с. 12—13].

В очерке, посвященном 100-летию Военного министерства, приводились данные, уже известные в литературе, об основании гарнизонных школ указом 1721 г. — выделении в каждом из 50 полков по 50 вакансий для детей солдат от 7 до 15 лет; со ссылкой на ПСЗ сообщалось о заведении школ в 1732 г., местах их расположения, соединении с цифирными в 1744 г., об обучении в 1765 г. при 108 батальонах 9 000 учащихся, разрешении принимать в гарнизонные школы детей бедных дворян «после первой турецкой войны (1774 г.)»; преобразовании школ в отделения Военно-сиротского дома в 1798 г. [см.: Столетие Военного министерства, 1902, с. 12, 19—20, 50].

В дореволюционной литературе приводились сведения и о конкретных учебных заведениях. Так, И. Дубасов упомянул о существовании в Тамбове гарнизонной школы как единственного учебного заведения до появления народного училища, постановлении Приказа общественного призрения 1784 г. «детей бедных дворян и сирот отдавать для научения грамоте в гарнизонную школу на счет приказа». Но автор критически оценил деятельность школы: ничему в ней не учили хорошему, что видно из того, что в ней преподавали барабанную науку [см.: Дубасов, с. 333—334].

Н. Ф. Казанский привел данные о гарнизонной школе, действовавшей в Астрахани в 1764—1786 гг. и преобразованной в народное училище: в школе учились дети купцов, мещан, солдат и разночинцев по широкой программе, включавшей русский, немецкий, армянский, турецкий, калмыцкий языки, арифметику, геометрию, тригонометрию, фортификацию, артиллерию, навигацию, географию, историю, рисование, слесарное и кузнечное дело. Эти данные были извлечены из штата школы, опубликованного в ПСЗ, при этом автор ошибочно расценил дополнительные суммы, выделенные на обучение детей купцов и разночинцев (3 500 руб.), как общие средства школы, неверно указал и их источник — как доходы с участка рыболовных вод [см.: Казанский, с. 175].

В советской литературе стало утверждаться мнение, что в XVIII в. отсутствовали школы для детей низших слоев населения. В «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского перечислялись наиболее крупные учебные заведения России XVIII в. [см.: Покровский, с. 55], но о гарнизонных школах умалчивалось. Некоторые исследователи, правда, делали оговорку в отношении гарнизонных школ, но расценивали их деятельность с классовых позиций. Так, видный историк педагогики Е. Н. Медынский писал: «Единственный тип начальной школы», учрежденной в 1732 г., «создан был также в интересах дворян-помещиков. Эти школы предназначались для солдатских детей 7—15 лет для того, чтобы из них набирать впоследствии солдат, “дабы впредь польза государства и в рекрутах облегчение было”. Это “облегчение в рекрутах” для помещиков и было сущностью введения гарнизонных школ. И не мудрено, что число этих школ в короткое время достигло больших размеров. Школы были рассчитаны на 4 тыс. учеников и учреждены в Петербурге, Кронштадте, Риге, Ревеле, Выборге, Кексгольме, Москве, Казани, Смоленске, Астрахани, Воронеже, Белгороде и Сибири» [см.: Медынский, с. 72—73].

Подобная оговорка в отношении гарнизонных школ как единственным виде народных учебных заведений, оказавшемся пригодным для помещичьего государства, присутствовала и в «Очерках истории СССР

второй четверти XVIII в.» [см.: Свирская, с. 444]. В «Очерках» же первой четверти XVIII в. приводились данные о существовании при Петербургском гарнизоне школы для обучения солдатских детей, предметах преподавания, количестве учеников, обучавшихся тем или иным специальностям, общем числе учащихся (159 человек) [см.: Бакланова, с. 667]. В работах о начальных учебных заведениях Н. А. Константинова, В. Я. Струминского, В. З. Смирнова сведения о гарнизонных школах отсутствовали.

Некоторое внимание истории гарнизонных школ уделил Л. Г. Бескровный, специалист в области военной истории XVIII в. В статье о военных школах России он обосновал тезис об объективной необходимости их появления в стране в начале XVIII в., показал, что их организация была тесно связана с введением единых принципов комплектования войск, единого вооружения и единой системы подготовки офицерских кадров [см.: Бескровный, 1953, с. 285—300]. В монографии «Русская армия и флот в XVIII в.» он привел данные о числе школ к концу правления Петра I (до 50), о числе учащихся в школах на 1732 г. (4 тыс. человек); на основе штатов 1764 г. показал, что из 50 вакансий при полках 14 предназначались для офицерских детей, 36 — для солдатских. Он охарактеризовал учебную программу и организацию обучения в школах, используя в основном материалы «Сборника военно-исторических материалов». Сравнив число учащихся в народных училищах, открытых по Уставу 1786 г., и гарнизонных школах в конце XVIII в. (17 341 и 12 тыс.), Бескровный сделал вывод, что в гарнизонных школах сосредотачивалось 40 % всех учащихся России [см.: Бескровный, 1958, с. 177—179]. Но поскольку автор не учел другие виды начальных школ, действовавших в эти годы, эти данные явно завышены.

Ф. Г. Паначин отмечал, что гарнизонные и адмиралтейские школы предназначались для обучения детей солдат и матросов и в официальных документах в отличие от «разноязычных» школ и «немецких», назывались русскими школами. Он считал, что это был самый демократичный тип учебных заведений эпохи [см.: Паначин, с. 8].

М. Д. Рабинович, автор статьи о Саратовской гарнизонной школе [Рабинович, с. 230], отметил значительный удельный вес гуманитарных наук в ней и отсутствие военных предметов. Он сделал вывод, что эта школа была своеобразной военной гимназией, существовавшей задолго до появления пореформенных военных гимназий, созданных министром Милютиным для улучшения подготовки офицерского состава.

В «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР» в главе «Русская школа и педагогическая мысль во второй четверти XVIII в.», написанной А. В. Смирновым, есть сведения об организации и содержании учебной работы в гарнизонных школах [см.: Очерки исто-

рии школы..., с. 48—50]. Автор отметил, что на полк комплект учащихся составлял 80 человек (без указания, в какие годы), обучение детей солдат в школах от 7 до 15 лет «было строго обязательным: за укрывательство от сдачи детей в эти школы их родителям угрожали штрафом и телесными наказаниями. И эти меры строго выполнялись». То есть получалось, что в школах обучались все дети солдат, что противоречило данным, приводившимся в текстах самих законодательных актов. В «Очерках» упоминались указ от 21 сентября 1732 г. без раскрытия его содержания, указ 1744 г. о соединении цифирных и гарнизонных школ, «Инструкция определенным к школам офицерам» 1732 г., определившая организацию и содержание учебной работы.

Гарнизонные школы существовали не только в европейской части страны, но и в Сибири. В монографии А. Н. Копылова содержатся ценные данные об отдельных школах, действовавших в крае, — местах их расположения, числе учащихся в отдельные годы, территориях, с которых набирались дети. Автор отмечает, что число учеников в них было значительным (в Тобольской школе — 500, в 1799 г. — 601 человек, при этом 116 из них занимались в домах родителей [см.: Копылов, с. 63—66]. М. М. Вольфсон указывает на факт существования в Оренбурге особой школы для детей ссыльных, которая по своей организации напоминала гарнизонную школу. Учащиеся после окончания школы зачислялись на военную службу [см.: Вольфсон, с. 207].

В первом издании «Педагогической энциклопедии» о гарнизонных школах дается краткая справка: «Первые Г[арнизонные] ш[колы] основаны Петром I в 1716 г. Были вновь открыты по уставу 21 сентября 1732 г.» [Педагогическая энциклопедия. т. 1, с. 486], т. е. неверно приведена дата основания школ и в противоречии с действительностью сделан вывод о якобы их последующем восстановлении. Во втором издании «Педагогической энциклопедии» (1993 г.) статья о гарнизонных школах отсутствует. В «Военном энциклопедическом словаре» читаем: «Гарнизонные школы, низший разряд военно-учебных заведений России, где обучались дети солдат (с 7 лет) грамоте, строевой подготовке, основам артиллерии, инженерного дела и др. Основаны в 1721 г. при воинских гарнизонах (полках); в возрасте 15 лет воспитанники зачислялись в армию. В 1744 г. слились с начальными общеобразовательными (цифирными) школами и, сохраняя свою военную направленность в обучении, просуществовали до 1798 г. С начала XIX в. преобразованы в кантонистские школы» [Военный энциклопедический словарь, с. 341].

В работах современных авторов также приводится мало данных о гарнизонных школах. Так, Ю. Е. Манойленко со ссылкой на «Сборник

военно-исторических материалов» сообщает: «С 1721 г. при полках были открыты гарнизонные школы для солдатских детей в возрасте от 7 до 15 лет, в которых обучали грамоте и арифметике, а также в зависимости от профиля школы артиллерийской и инженерной науке <...>. В 1732 г. по распоряжению Военной коллегии число учеников в гарнизонных школах при полках было увеличено с 50 до 64 человек в каждой. После обучения грамоте и арифметике из каждого полка выбиралось по 10 наиболее способных учеников для специальной подготовки по “артиллерийской и инженерной наукам”. Руководили этой подготовкой офицеры и унтер-офицеры, которые “оны науки знают”. По достижению 15-летнего возраста ученики гарнизонных школ направлялись на военную службу» [Манойленко, с. 420—421].

В целом можно констатировать, что сведения о гарнизонных школах, имеющиеся в литературе, дают лишь общее представление о них. Не привлекаются архивные документы, слабо используется обширный круг законодательных актов, регламентировавших организацию гарнизонных школ и не раз менявших те или иные стороны их деятельности.

Учитывая, что гарнизонные школы являлись самым крупным видом начальных школ, действовавших в России почти на всем протяжении XVIII в., а государство уделяло пристальное внимание регламентации их деятельности, мы поставили цель — проанализировать законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Поскольку рамки статьи не позволяют привлечь все документы, мы ограничимся 20—30 гг. XVIII в., когда были заложены основы их организации.

Внимательное изучение текста этих документов позволило сделать вывод об отсутствии в ПСЗ указа 1721 г. об основании гарнизонных школ, который был дан из Военной коллегии, но наверняка во исполнение личного распоряжения Петра I; указ от 2 марта 1727 г., автор его не назван, это мог быть указ именной — Сената, Военной коллегии. Отсутствуют в ПСЗ высочайшая резолюция на «Рассуждение Военной коллегии и Комиссии <...> о солдатских детях» от 21 сентября 1732 г., высочайше утвержденные Воинские штаты 1732 г. Основное содержание новых норм, введенных этими актами, можно реконструировать благодаря изложению их в законодательных актах более позднего времени, некоторые из них были частично опубликованы в «Сборнике военно-исторических материалов», выявлены нами в архиве. Основные нормы Воинских штатов 1732 г. изложены, например, в указе Сената от 9 июля 1735 г.: «Понеже по воинскому новому штату 1732 г. положено в гарнизонных полках иметь во всяком по 64 вакансии, и на собираемые на те вакансии суммы содержать

в школах от каждого полку из солдатских детей учеников: в Остзейских 20-ти по 82, Московской и прочих Губерний в 29 полках и одном батальоне по 80, а во всех школах 4 000 человек...» [ПСЗ Т. 9. № 6767. — *Далее в сносках на ПСЗ указан только номер тома*].

О существовании «Инструкции определенным к гарнизонной школе офицерам» 1732 г. сообщает именной указ «О заведении при пехотных полках гарнизонных школ и об устройстве оных» того же года. В нем написано: «А каким порядком оных детей в тех школах обучать и содержать, на то дана инструкция определенным к гарнизонной школе офицерам» [Т. 8. № 6188]. Но эта инструкция не являлась законодательным актом, т. к. издавалась Военной коллегией.

Изучение воссозданного нами комплекса законодательных и нормативных актов позволяет утверждать, что законодательное регулирование организации гарнизонных школ в России началось в годы правления Петра I. Первым документом, положившим начало их организации, стал указ 1721 г., упоминаемый в тексте более позднего законодательного акта — от 21 сентября 1732 г., о котором речь пойдет ниже [ГАСО. ф. 24. оп. 1. д. 365. л. 3]: «в прошлом 1721-м году по с[ос]тоявшемуся в Военной коллегии указу учреждены в гарнизонах школы, в которых определено иметь по пятидесят вакантей, а на той сумме содержать в науках малолетних салдацких детей от каждого полку по пятидесят человек».

Это тот самый указ, который положил начало организации гарнизонных школ и упоминаемый в дореволюционной и советской литературе без ссылок на источник и без указания авторства. По всей вероятности, этот указ был издан Военной коллегией во исполнение личного распоряжения Петра I. В этом же законодательном акте 1732 г. присутствует и более точная информация о дате его издания. В связи с запрещением офицерам и писарям брать плату за обучение от малолетних детей, оговаривалось: «По силе указов 1721 мая 31 и 1727 годов марта 2 чисел <...> понеже тот их труд вменяетца им в службу» [ГАСО. ф. 24. оп. 1. д. 365. л. 7 об].

Географию расположения первых гарнизонных школ можно установить на основе более раннего законодательного акта от 9 февраля 1720 г. Это высочайше утвержденное штатное положение о Генералитете, Генеральном штабе, полевой армии и гарнизонных полках, или «Табель о полевой армии и гарнизонных полках...» [Т. 43. № 3511. С. 15—38]. В «Таблице VI. Общия суммы на содержание войск» отмечается: «Гарнизонные полки, по докладной выписке, размеченной собственною Его Царскаго Величества рукою в Военной Коллегии, распределены по следующим местам...» и далее перечислены пехотные гарнизонные полки 1 разряда: в Санкт-Петербурге — 4, на Котлине острове или в Кронштадте — 2,

Выборге — 3, в Нарве — 1, Ревеле — 4, Рижской губернии — 6, в Шлис-сельбурге и Кексгольме по одному батальону. Гарнизонные полки 2-го разряда подлежали размещению следующим образом: в Московской губернии — 1 драгунский и 3 пехотных; в Азовской — 1 драгунский и 5 пехотных, в Сибирской губернии — 1 драгунский и 3 пехотных, в Астраханской — 1 драгунский и 4 пехотных, в Киевской — 5 пехотных, в Глуховской — 2, Архангелогородской и Смоленской губерниях — по 2 пехотных полка. Следовательно, при каждом из этих полков и должны были освобождаться по 50 вакансий для содержания школьников — детей солдат.

В 1726 и 1731 гг. Сенат от своего имени издал два указа, касавшихся гарнизонных школ. Указом от 30 сентября 1726 г. в ответ на требование Военной коллегии прислать для определения в полевые полки 73 подъячих, оставшихся за распределением штатных мест, предписывалось: «...в полки в комиссарские и провиантские подьячие и в писаря определять из школьников, которые учатся из солдатских детей при гарнизонах», поскольку оставшиеся за штатом подьячие определяются «к другим приказным делам» [см.: Т. 7. № 4961]. Таким образом, Сенат установил порядок комплектования должностей, связанных с обслуживанием делопроизводства в полках, за счет собственных резервов — воспитанников гарнизонных школ.

Указом Сената от 17 мая 1731 г. «О распределении малолетних детей отставных солдат в гарнизонные школы, а годных в службу по полкам» приказывалось детей солдат, определенных в богадельни, из Коллегии экономики отослать в Военную коллегию, годных определить в службу, малолетних — в школы и отпрапортовать, кто и куда будет определен [см.: Т. 8. № 5757]. В данном случае Сенат выступил в роли контролера, стремящегося изъять из «посторонних» ведомств солдатских детей и передать их под надзор ведомства военного.

Стремясь укрепить экономическое положение страны после окончания Северной войны, правительство пыталось удешевить содержание армии, но это имело отрицательные последствия. Ухудшилась боевая подготовка войск. С 1729 г. была проведена инспекторская проверка, результаты оказались неутешительными: констатировалось, что внутренний порядок в армии за последние четыре года «весьма расстроился» [см.: Бескровный, 1958, с. 54].

Поэтому именным указом от 1 июня 1730 г. [Т. 8. № 5571] Сенату предписывалось создать Комиссию, которая бы основательно рассмотрела «по порядку» все основные «дела», касающиеся состояния армии. Взяв за основу «Табель» 1720 г., она установила численность служащих, рассмотрела вопрос об их жалованье, снабжении продовольствием, вещевым

довольствием; о вооружении армии, госпиталях и т. п. Программа работы комиссии излагалась в 15 пунктах. Не были обойдены вниманием и гарнизонные школы. Пункт 12-й указа предписывал: «О солдатских детях учинить рассмотрение и такое основательное определение, дабы от них впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло».

Комиссия состояла из 9 членов, сначала ее возглавил генерал-фельдмаршал князь М. Голицын, с января 1731 г. — генерал-фельдмаршал князь В. Долгорукий. В марте 1731 г. комиссия переехала из Москвы в столицу, где ее возглавил генерал-фельдмаршал фон Миних. Комиссия начала свою работу с затребования справок обо всех переменах в области военного дела, произошедших после издания Воинского устава 1716 г. [см.: Столетие Военного министерства, 1903, с. 40]

14 июля 1731 г. было высочайше утверждено «мнение» Сената «О состоянии разных полков...», высказанное на поданное ему мнение Воинской комиссии. Документ получил весьма длинное название, он внес значительные изменения в число служащих при полках, установленное петровской «Табелью» 1720 г. В «Таблице о полках...», препровождавшей мнение Воинской комиссии, имелась лишь одна строка, касавшаяся гарнизонных школ: «Да солдатских вакансий для содержания малолетних солдатских детей» по 50 человек в гарнизонных полках 1 и 2 разрядов и 25 при Великолукском батальоне [см.: Т. 43. № 5803]. То есть число вакансий для содержания школьников при гарнизонных полках сохранялось прежним, как и по указу 1721 г.

К осени 1732 г. Воинская комиссия подготовила свои предложения в отношении гарнизонных школ, обсудила их с Военной коллегией, их «Рассуждение» рассмотрел Сенат и со своими замечаниями преподнес для подписания Анне Иоанновне. 21 сентября 1732 г. императрица утвердила «Рассуждение» Военной коллегии и Воинской комиссии о солдатских детях, предварительно согласованное с Сенатом. К сожалению, составители ПСЗ не внесли этот важнейший в плане регулирования организации гарнизонных школ документ в собрание. Начало «Рассуждения» было опубликовано в 16-м выпуске серии «Сборник военно-исторических материалов». СПб., 1904. с. 143—147. Но документ не имеет названия, не указаны номера пунктов, опущены мнения Сената, высказанные в отношении каждого из них, и высочайшая резолюция, утвердившая его в качестве закона.

В Государственном архиве Свердловской области нами выявлена полная копия этого документа, высланная в октябре 1738 г. из Сибирской губернской канцелярии в Канцелярию Главного заводов правления при промемории [См.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 365, л. 1—16]. В последней

сообщалось, что в губернскую канцелярию копия документа поступила 20 января 1733 г. при указе Военной коллегии [Там же, л. 2—2 об]. Отсюда следует, что этот законодательный акт не публиковался, рассылался по учреждениям в рукописном виде, и в уральскую Канцелярию поступила копия с копии.

«Рассуждение» имеет сложную структуру, состоит из 17 пунктов. Текст «Рассуждения» приведен в левой половине листа, в правой половине изложено мнение Сената по поводу каждого пункта: «Сенат с мнением Военной коллегии и комиссии согласен». По поводу содержания 11-го и 13-го пунктов Сенат высказал особое мнение, дополнил нормы, сформулированные военным ведомством. Резолюция, начертанная Анной Иоанновной, гласила: «По выше писанным пунктом быть по общему Сенацкому и Воинской комиссии рассмотрению, а по 11-му и 13 пунктом по Сенацкому изъяснению». Эти поправки, внесенные Сенатом, следует учитывать исследователям при использовании документа.

В пункте 1-м «Рассуждения» приводятся ценные сведения, касающиеся истории гарнизонных школ, извлеченные из справки, составленной для работы комиссии. Как уже отмечалось, излагалась суть указа, состоявшегося в Военной коллегии в 1721 г. об учреждении гарнизонных школ, выделении по 50 вакансий в каждом гарнизонном полку и содержании на этих суммах малолетних солдатских детей. Далее приводились данные о числе учащихся гарнизонных школ без указания точной даты: при остзейских 20 полках — 1 000 школьников, в 29 полках и 1 батальоне, расположенных в Московской и прочих губерниях, — 1 475 человек, итого 2 475.

В справке имелись и более свежие сведения: «А ныне по присланным от команд репортам в тех гарнизонных школах имеется во обучении салдацких детей в остзейских — 730, Московской и протчих губерней — 1 207, итого — 1 937 [человек], да не определенных в те школы и не положенных в подушной оклад по репортам прошлых 1730 и 1731 годов в полевых драгунских и пехотных полках — 1 872, да в гарнизонных — 2 691, да в губерниях и правинциях при отцах и матерях, и у помещиков — 3 461, итого 8 024 человека». В том числе в возрасте от года до 7 лет — 4 664 детей, от 7 до 15 лет — 2 274, от 15 до 20—30 лет — 1 086. Комиссия признавала: приведенные данные не окончательные, *«а может быть есть и больше того числа и впредь от времени до времени могут и умножаться»*. Чуть ниже в тексте опять делалась оговорка: *«Понеже нет точного известия, во всех ли местах имеются школы...»* (курсив наш. — Авт.). Эти оговорки позволяют сделать вывод, что сама Военная коллегия в 1730—1731 гг. не располагала абсолютно точными данными о действующих гарнизонных школах, отчетность о них еще не была полностью налажена.

Поскольку число детей школьного возраста, остававшихся за порогом школы, превосходило число учившихся (2 274 против 1 937), Военная коллегия и Военная комиссия предлагали: иметь в гарнизонных и пехотных полках дополнительно к 50 еще по 14 вакансий на полк и по 8 на роту, чтобы содержать на эти суммы школьников: в остзейских 20 полках — по 72 ученика на каждый полк, в прочих губерниях при 29 полках и 1 батальоне — по 80 учеников, чтобы во всех гарнизонных школах было по 4 000 человек, т. е. число школьников могло вырасти более чем в два раза. Увеличение числа учащихся мотивировалось тем, что столько рекрут с народа не собрать, да и для уравнивания рот во время генеральских инспекторских смотров будет неплохо. Примечательно, что военное ведомство предложило иметь по 64 вакансии для школьников не только при гарнизонных, но и при пехотных полках, но все конкретные цифры по-прежнему касались лишь гарнизонных войск. Вероятно, союз «и» появился при переписке копии, отсюда и неожиданное искажение смысла документа.

В пункте 2-м «Рассуждения» 1732 г. определялся возраст учеников гарнизонных школ и устанавливалась первоочередность записи в школы. Предлагалось принимать детей от 7 до 15 лет, поскольку младше 7 лет дети «к наукам не так способны». При этом, если у родителей еще имелись дети, то полагающееся жалованье на школьника предлагалось давать им на руки, чтобы могли и младших прокормить, государству от этого убытка не будет — суммы не будут превосходить полагающихся штатных. У которых же учеников родители будут «худого состояния» и полагаться на хорошее содержание их детей «надежд иметь не можно», или отцов и матерей в тех гарнизонах, где действуют школы, не будет, получать денежное жалованье, провиант и мундир на них предлагалось определенным к школам офицерам. Последние должны были заботиться о содержании детей «в добром порядке и в обучении попечение иметь», «приход и расход держать со смотрением, дабы детям не в чем нужды не было».

Оговаривался и вопрос о контроле за школами: «Каким образом оным офицером в выше писанном поступать, о том *дать инструкцию из Военной коллегии* (курсив наш. — Авт.) и сверх того за теми офицерами крепкое надзирание иметь генералом, губернатором, обер-комендантом и комендантом, а особливо генералу-инспектору и воинским инспекторам». Чтобы дети получали жалованье, провиант и мундир «сполна и в свое время», полагалось в гарнизонных канцеляриях отмечать в приходно-расходных книгах погодно и счета отсылать для свидетельства в генеральный кригс-комиссариат.

Устанавливался такой порядок приема детей в школы: на свободные вакансии предписывалось зачислять в первую очередь детей-сирот, затем

тех, где в семье двое-трое детей, а пропитание малое; единственного же ребенка, которого могли прокормить родители, оставлять дома «до будущих вакансий». «По прошенням их, хоть будут и сверх вакансий, обучать на собственном их пропитании». Эту нечетко сформулированную фразу следует, видимо, понимать так: при желании родители могли отдать ребенка в школу, но без получения какой-либо материальной поддержки. Прилагалась табель для утверждения норм денежных сумм, провианта и вещевого довольствия для школьников [Там же, л. 16 об. — 23].

Предписывалось в тех местах, «где оных школ и удобных свободных домов не имеетца», главным командирам силами солдат такие дома построить «в удобных местах ... по препорции учеников», железо, стекла, печи и т. п. «готовить из ... фортификационных ваканционных сумм» (пункт 4-й).

Большое внимание Военная комиссия и коллегия уделили разработке программы обучения: она расписывалась на трех листах (пункты 5—7). Сначала все школьники должны были учиться читать и писать, солдатским экзерцициям и арифметике. По овладении этими «науками» в каждом полку предлагалось специализировать обучение 50 учеников, разделив их на группы. Первые 10 человек обучать геометрии, артиллерийской и инженерной «наукам», «выбирая, которые будут к тому обучению способнее». Вторая группа в 20 человек должна была учиться «писать и петь, и музыке на боях, на трубах и валторнах ... на старых полковых инструментах, которые при тех школах содержат, ис таких, коим в полках сроки минуют, а для обучения будет еще годен». Третью группу (10 человек) предлагалось учить слесарному мастерству, и десятерых же содержать при гарнизонной канцелярии «у воинских дел ... для науки писарской должности, кто [к] тому охоту возымеет и достоин будет».

Остальные школьники должны были продолжать обучение чтению и письму, по достижении 15-летнего возраста распределяться в армейские и гарнизонные полки по усмотрению генералитета. Характерна оговорка: тех, кто к 15 годам «хотя совершенно не обучится, а охоту иметь будет» и товарищей остротой ума превосходить будет, «и можно на них надежду иметь, что они те науки совершить могут», оставлять в школах до 18 лет. Подробно расписывалось, чему и кому обучать детей: 1) чтению, письму и пению ротным писарям «или кто тому искусен»; 2) солдатской экзерциции — определенным к тому унтер-офицерам; 3) арифметике, артиллерии, инженерному делу — имеющимся в тех гарнизонах офицерам полевых и гарнизонных полков, которые те науки знают, если таковых не найдется, то «артиллерии инженерным обер- и унтер-офицерам». Офицерам и писарям запрещалось брать плату за обучение от малолетних детей,

т. к. «по силе указов 1721 г. мая 31, 1727 г. марта 2 <...> этот труд вменяется им в службу».

Констатируя, что «в полках совершенных музыкантов нет», Военная комиссия позаботилась об их подготовке, предписав в Санкт-Петербурге, Ревеле, Риге, Москве, Киеве и Смоленске иметь по одному капельмейстеру из иностранцев, которых «капитуловать», т. е. содержать, Военной коллегии. Положить жалованье до 120 руб. в год «из остаточной определенной на малолетних детей суммы, а мундир и правиант иметь им из того ж жалованья» (пункт 7-й).

Специальное внимание уделялось контролю за обучением. Школьников предписывалось «смотреть и свидетельствовать» генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам, обер-комендантам и комендантам «по вся месяцы»; штаб-офицерам в своем полку — раз в неделю, обер-офицерам — каждый день, «переменяя понеделно». Стараться, чтобы в каждом полку было обучено в год по меньшей мере 10 человек. В Военную коллегию приказывалось присылать годовые рапорты с показанием, где, сколько обучается детей, в какой науке, в каком возрасте (пункт 8-й).

Не способных к овладению грамотой, письмом и прочими предметами предписывалось учить ремеслу — токарному, столярному, плотничьему, кузнечному, портному, сапожному, «у кого к чему будет способность», — «имеющимся при полках тех художеств мастерам». По овладении ремеслом — распределять в полки. Тем самым армия обеспечивалась бы собственными квалифицированными ремесленниками, необходимыми как в мирное, так и в военное время. Если кто из них «ничего понять не сможет», то таких определять в солдаты, в денщики к штаб- и обер-офицерам, малорослых — в другие чины или отсылать в числе рекрут в Адмиралтейскую коллегию для определения в кают-юнг и другие чины (пункты 9—10-й).

11-й пункт «Рассуждения» посвящался регламентации состава учащихся гарнизонных школ. В нем подробно перечислялись дети всех категорий населения, относящихся к воинской службе: «Офицерские не из шляхетства, також драгунские и салдатские и прежних служб, а именно: рейтарские и городовых казаков, стрельцов, приставов, розсыльщиков и протчих служилых всяких чинов людей дети, коих отцы в подушной оклад не положены, или отцы их после написания в подушной оклад взяты в военную службу, и дети их рожденны во время бытия их в службе».

Констатировалось, что «многие из них, выучася грамоте, отбывая от службы, вступают в купечество и в цехи, в дома разных чинов к людям и в протчие чины; а иные, укрываясь, скитаются меж двор». Таких Военной коллегии предписывалось сыскивать. Солдатских детей, не явившихся

в 7 лет «в надлежащих местах <...> по поимке наказывать, равно как и беглых солдат, а [с] тех людей, у кого они пристань имели и на указной срок, где надлежит, [они] об них не объявят, брать штраф, как за беглых же салдат определено».

Предлагались меры поощрения людей, предъявивших уклонявшихся от явки властям: «Кто таких кроющихся, поймав, приведет в город и объявит губернатору или воеводе, и на тех, кто держит их, покажет, тем людям давать награждение из наличной суммы взамен выше писанных штрафных за держание денег за каждого человека по десяти рублей». Если кто из детей по доносу явится меньше 7 лет, за таких штраф не брать и за беглых их не считать.

Сенат, одоблив меры по сыску детей служилых Военной коллегией, внес свои уточнения по поводу разыскиваемых, предписав, «ис того выключать и в службу не отбирать»: 1) детей служилых, которые уже определены к штатским делам, записаны в купечество, цехи, отданы на фабрики; 2) кто был взят в солдаты из крестьян, дворовых людей, с посадов, а дети хотя родились во время службы отцов, но «воспитаны» в деревнях у прежних помещиков и других «своих владельцев», в посадах и написаны в подушный оклад и на полки расписаны; 3) не подлежали обучению в гарнизонных школах и дети однодворцев и других служилых людей Воронежской и Киевской губерний и «низовых» городов, содержавших ландмилицкие полки, предназначавшиеся для охраны и обороны государственной границы.

Сенат выразил свое мнение и по поводу рассыльщиков, предложил прибавить их число против прежнего штата, определить их в провинциальных городах при воеводах для караулов и посылок из числа отставных, не положенных в подушный оклад; вместо жалованья дать им землю; детей таких рассыльщиков оставить при отцах, пополнять ими число рассыльщиков по новым штатам; лишних, в случае нужды, брать на военную службу. То есть Сенат витиевато высказал свое мнение и по поводу наказания за уклонение от учебы в гарнизонных школах, но в принципе согласился с мнением Военной коллегии и комиссии о наказании как беглых, «кои по прошествии указных лет являтца не будут и в возрасте от службы укрываться станут».

Предписывалось явившихся в надлежащих местах детей губернаторам, провинциальным и городским воеводам «со обретающимися на вечных квартирах обер-афицерами пересматривать», определять годных в службу, а кому менее 15 лет — в школы, «которые поблизости способнее и на проход давать правиант против рекрут» и по определении в школы «вмещать в комплект означенного числа». Приветствовалась оставление

детей для обучения в семье. Если отцы и матери «пожелают учить своим коштом», разрешалось отдавать им детей «с запискою с таким обязательством» — выучить их грамоте, писать и прочим наукам по склонности до 15 лет»; затем как выученных, «или кто из них до тех лет и не выучитца», распределять по полевым и гарнизонным полкам в драгуны, солдаты и «прочие чины». Обо всех, определенных в службу, школу, отданных до 15-летнего возраста отцам и матерям, предписывалось «изо всех мест репортовать в Военную коллегию погодню» (пункт 12-й).

В пункте 13-м разъяснялось, кого не следует принимать в гарнизонные школы. Если кто из отставных поселится жить с паспортами на прежних местах, откуда взяты были в рекруты, и приживут детей, таких в службу и школы не брать, они будут записаны в крестьяне; если же отставные уйдут с прежних мест, дети их подлежат записи в службу и в школы. Сенат дополнил этот пункт: предписал не брать в школы детей, родившихся у отставных, взятых в свое время в службу из дворовых и «деловых» людей. Они по отставке подлежали возвращению к своим господам. Ясно, что дети, рожденные уже в имениях господ, должны были пополнить число их крепостных. Это же правило Сенат распространил и на отставных от военной службы, бывших купцов и мастеров, вернувшихся в свои города и слободы. Их дети должны были платить подушный оклад и могли попасть в число рекрут, как их отцы.

Оговаривалось, что дети «артиллерийского и инженерного ведомства», пушкарские и прочих служивых подлежали обучению в специальных школах, «в каких показано будет», но если они «не уместятся» в них, то таких предписывалось принимать в гарнизонные (пункт 14-й).

Военное ведомство категорически возразило против определения малолетних солдатских детей из школ к земским делам, получив сведения об этом из ведомостей, присланных с мест (пункт 15-й). Всех уже определенных к земским делам выпускников гарнизонных школ приказывалось выслать в Военную коллегию для определения в полевые и гарнизонные полки или к командующему генералитету, «куда способнее». А об определенных к земским делам детей служивых «старых служб» требовалось немедленно прислать в Военную коллегию именные ведомости. Сенат в замечании на этот пункт поддержал мнение военного ведомства о запрещении впредь распределять гарнизонных школьников к земским делам.

Ясно, что Воинская комиссия с Военной коллегией приложили немало усилий в вопросе регулирования деятельности гарнизонных школ: были обработаны статистические данные о действующих школах, выяснено число учившихся в них и не попавших для обучения из-за

отсутствия свободных вакансий в полках. Поскольку оставшихся за порогом школ оказалось слишком много, предлагалось увеличить число вакансий в каждом полку с 50 до 64, принимать в школы в первую очередь сирот и детей из многодетных семей. Приветствовалась оставление детей в семье для обучения на коште родителей. Детально регламентировалась программа обучения, направленная на подготовку для армии не только солдат, владеющих грамотой и началами арифметики, но и знающих артиллерийскую и инженерную науку (для более способных), подготовку собственных музыкантов, писарей для воинских канцелярий. Неспособных усвоить начала «наук», должны были обучать различным ремеслам, а в 15 лет распределять в полки. Вопрос с учителями решался по-прежнему — собственными силами, за счет ротных писарей, унтер-офицеров, офицеров. Особо тщательно был разработан вопрос с определением категорий населения, чьи дети не подлежали приему в гарнизонные школы, что имело особое значение в тогдашних условиях формирования сословных групп населения Российской империи. Свой вклад в решение этого вопроса внес Сенат, дополнив и уточнив предложения военного ведомства (пункты 11, 13). После резолюции Анны Иоанновны этот документ приобрел законодательную силу.

Рассмотрим следующий за «Рассуждением» именной указ, изданный Анной Иоанновной в тот же день, 21 сентября 1732 г., и опубликованный в ПСЗ под названием: «О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных» [Т. 8. № 6188]. Учитывая, что гарнизонные школы в России были созданы Петром I, этот указ нельзя считать документом, положившим начало их деятельности. Название законодательному акту дано составителями ПСЗ слишком широкое.

О том, что именной указ был составлен вслед за «Рассуждением», свидетельствуют следующие факты: круг регулируемых указом вопросов был гораздо уже: не затрагивались вопросы организации школ, все внимание в нем сосредотачивалось на определении состава учащихся школ и наказаниях за укрывательство от обучения и последующей службы. Подробно перечислялось, кого можно принимать в школы (пункт 1-й), кого нельзя (пункт 2-й); определялись места явки для приема в службу и школы (пункт 3-й); оглашались меры наказания за укрывательство от службы и школ и поощрения за доноительство (пункт 4-й); укрывающиеся от службы в возрасте с 15 лет и выше объявлялись беглыми и при поимке подлежащими наказанию как беглые (пункт 5-й); запрещалось определять выпускников гарнизонных школ к земским делам (пункт 6-й). Как видим, все эти нормы уже были согласованы Военной комиссией, Военной коллегией с Сенатом. Только после этого был составлен текст

именного указа, в нем уже учитывалось мнение Сената по поводу состава учащихся, наказания за уклонение от обучения, изменившее предложения военного ведомства. И в самом тексте указа есть прямое указание на его более позднее по сравнению с «Рассуждением» составление: «А каким порядком оных детей в тех школах обучать и содержать, и жалованье давать, о том по апробации от Нашего Императорского Величества даны той Военной коллегии особливые пункты». Подписывались же «Рассуждение» и указ в один день, 21 сентября.

Именной указ предназначался для широкого оповещения, в тексте есть специальная оговорка об этом: «Для всенародного известия, из каких учеников указали Мы в те школы и в службу писать, публиковать печатными указами». В ПСЗ в сноске приведена дата его печатания — 6 ноября. В преамбуле указа неслучайно подчеркнуто: «Указали Мы, по представлению Нашего Правительствующаго Сената и Военной Коллегии и Комиссии, определить для собрания и обучения солдатских детей при гарнизонных пехотных полках, школы на таком основании, дабы впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло».

Целая серия последующих именных и сенатских указов, изданных в 30-е гг. XVIII в., посвящалась пополнению гарнизонных школ учащимися, распределению солдатских детей в полки. Так, именовым указом от 16 октября 1734 г., данным из Кабинета е. и. в. Военной коллегии, ей предписывалось: находящемуся с войсками в Польше генералитету «накрепко» подтвердить указами, чтобы 1) принимать достойных русских, ливонцев и курляндцев в службу по их желанию; русских, бежавших от своих помещиков, зачесть тем помещикам в число рекрут; 2) «Всех солдатских детей сыскивать и вкупе с теми, которые в гарнизонной школе в службу годные имеются, определять» [Т. 9. № 6639].

Двумя указами 1735 г. Сенат расширил число учащихся гарнизонных школ, разрешив принимать в них детей и сверх комплекта. Тем самым Сенат, не являясь законодательным органом, по своей инициативе внес важные изменения в законодательные акты 1732 г. Указ Сената от 20 апреля 1735 г. имеет сложное содержание, состоит из 14 пунктов, касавшихся различных вопросов, поднятых в доношениях главой Оренбургской экспедиции И. Кириловым и Военной коллегией [Т. 9. № 6721]. О гарнизонных школах речь идет в пункте 5-м. Из его текста следует, что И. Кирилов подал в Сенат доношение, в котором предложил изменить порядок комплектования Уфимского гарнизонного полка и расширить состав учащихся местной гарнизонной школы. Сенат с этим согласился и предписал: в Уфимский гарнизонный полк на освободившиеся места рекрут не располагать, «комплектовать тамошними солдатскими детьми, ежели их

довольно будет, а малых сирот солдатских детей, которые за комплектом гарнизонной школы состоят, определить в школу ж, и потому ж из них в комплект приверстывать так, как в том его представлении написано».

Если этим указом Сенат разрешил принимать детей сверх комплекта только в Уфимской гарнизонной школе, причем лишь за счет сирот, за которых хлопотал И. Кирилов, то следующим указом от 9 июля 1735 г. Сенат по собственной инициативе разрешил прием детей служилых сверх комплекта во все гарнизонные школы России, и не только сирот [Т. 9. № 6767]. Указ вышел под названием: «О публикации, дабы солдатские и других служивых людей дети явились к губернаторам и воеводам для распределения их по полкам и школам». Издание указа, безусловно, было связано с началом Русско-турецкой войны 1735—1739 гг., в ходе которой Россия хотела вернуть Азов и покончить с Крымским ханством. Верховные власти были заинтересованы в пополнении гарнизонных школ, основных поставщиков младшего командного состава армии. Не случайно указ предназначался для всенародного известия, т. е. был напечатан и разослан по различным учреждениям, в центре и на местах.

Конкретным поводом для его издания послужили сведения, поступившие в Сенат, что в Московской губернии и Уфимской провинции «солдатских детей явилось и в школу приверстано сверх комплекту не малое число». Сенат предположил, что и в других губерниях это может иметь место. Поэтому, «разсуждая, чтобы впредь в рекрутских наборах с государства могло быть подспорье, и служилых людей дети, шатаясь, не пропадали», вынес решение: принимать детей служилых людей, которые по именному указу 1732 г. подлежали обучению в гарнизонных школах, «и сверх того комплекту, сколько где явятся или сыщутся». Таким образом, Сенат дополнил нормы действующих законов 1732 г. Мотивы этого вполне понятны: несмотря на увеличение числа вакансий в полках для содержания школьников с 50 до 64, много детей продолжало оставаться за порогом школ.

Сенату пришлось решить вопрос и с материальным обеспечением сверхкомплектных учащихся. Каждому из них предписывалось выдавать муки по одному четверику и денег по 30 коп. в месяц. Четверик, основная мера сыпучих тел XVIII в., равнялся 1 пуду или 16 кг 380 г. Сенат установил источник средств на содержание сверхкомплектных школьников — из неположенных в штат доходов, по ассигнациям Штатс-канцелярии. Последняя руководила государственными расходами, выделяла по указанию Сената определенные суммы правительственным учреждениям и должностным лицам [Ерошкин, с. 85], в данном случае должна была субсидировать содержание сверхкомплектных учеников гарнизонных школ.

Предписывалось «во всем государстве публиковать печатными указами», чтоб дети солдат, драгун и прочих служилых людей немедленно явились к губернаторам и воеводам, те в свою очередь вместе с штаб- и обер-офицерами, обретающимися «на вечных квартирах», должны были стараться определить явившихся в службу и школы, «кроющихся сыскивать». Военной коллегии приказывалось от своего имени «непрестанно подтверждать» губернаторам, воеводам, офицерам об этой обязанности. Из городов, где гарнизонных школ не было, явившихся детей воеводы, штаб- и обер-офицеры должны были отсылать в школы других мест «с письменным объявлением», на корм в пути давать по копейке на день из доходов Штатс-конторы. Строго наказывалось, чтобы в школы направлялись дети только тех служилых, которые перечислялись в указе 1732 г. Снова оговаривались категории населения, детей которых запрещалось обучать в гарнизонных школах.

6 мая 1736 г. вышел именной указ «О размещении детей офицерских, дворянских и прочих служилых людей взрослых в армейские и гарнизонные полки, а малолетних в учрежденные школы» [Т. 9. № 6949]. Этот закон имел широкий спектр действия, касался в первую очередь детей дворян, офицеров, не являвшихся на смотры. В преамбуле указа констатировалось, что многие дети дворян, офицеров, «а также солдатские, рейтарские; казачьи, пушкарские и прочих <...> служилых чинов», не положенные в подушный оклад и не записанные в цехи, «и поныне под разными видами кроются, а некоторые из них вступают в дворовую службу разных чинов к людям, и переходят из города в город, дабы звание свое утаить, и тем от службы отбыть, от которых нималого впредь добра чаять не возможно, ибо праздность всему злу есть корень», и многие пойманы «в воровствах <...> и в прочих являются непотребствах».

В тексте этого именного указа ярко выражено стремление абсолютной монархии в лице Анны Иоанновны представить все свои действия исключительно как заботу о благе народа, в равной степени о всей молодежи: «хотя Мы по высокоматернему своему милосердию, желая им всякого добра», повелели открыть школы, «чтоб все малолетние служилых отцов дети, имея надежное пропитание, обучались, кто к каким наукам приклонность иметь будет, дабы со временем не токмо государству полезны быть, но и сами себе чрез те науки довольное пропитание сыскать могли; но не взирая на такую Нашу Императорского Величества высокоматернюю милость, и не желая собственной своей пользы, от наук убегают, и тем сами себя губят...».

Предписывалось: офицерским, дворянским и всем служилых чинов детям от 7 лет и выше, кроме детей однодворцев и рассыльчиков, явиться

в столице к герольдмейстеру, в Москве — в контору Сената, при армии — командующему генералитету, в городах — к губернаторам и воеводам, «где кто пожелает и случай допустит» в срок до 1 января 1737 г., т. е. в течение 8 месяцев. Годных в службу определять в армейские и гарнизонные полки, «малолетних записывать в школы и обучать грамоте и прочим наукам, кто к чему охоту возымеет, также и воинской экзерциции, дабы оную твердо знали и при определении в полки обучать их той экзерциции было не потребно». Дворянским детям, не имевшим своего пропитания, давать жалованье «против того, как солдатским детям определено». Суть этого законодательного акта можно трактовать как разрешение записывать детей обедневших дворян в гарнизонные школы, где они могли обучаться за казенный счет. Вводилась ежемесячная отчетность о зачисленных в службу и школы. Ведомости с мест должны были присылаться в Военную коллегию.

При этом верховная власть пошла на беспрецедентные меры, разрешив отдавать пожитки и деревни уклонившихся от явки на смотр тем, кто на них донесет, даже собственным крестьянам. А с тех, кто держал у себя уклонистов, приказывалось брать штраф, как за беглых крестьян — по 100 руб. за каждого человека, половину этой суммы отдавать доносителю, половину — казне.

Верховная власть предприняла меры для широкого оповещения народа о выходе указа: повелевалось публиковать его в армии, в полках, в городах и уездах, «в пристойных местах выставлять листы, в церквях в воскресные и торжественные дни читать, дабы неведением никто не отговаривался».

По прошествии трех с небольшим месяцев, 26 августа 1736 г., Сенат издал свой указ, «в подтверждение именного указа 1736, мая 6» [Т. 9. № 7039]. Снова излагался его текст, констатировалось, что в Санкт-Петербурге у герольдмейстера «явилось самое малое число, а в прочих местах, сколько где явилось, и куда определены <...> неизвестно». Поэтому Сенат приказал «публиковать еще печатными указами» о явке служилых людей для распределения их по армейским и гарнизонным полкам, а детей — по школам; рапорта о явившихся присылать в Военную коллегию и Герольдмейстерскую контору.

21 октября 1736 г. появился еще один сенатский указ — «О подтверждении, чтобы солдатские дети нигде праздно не жили, и чтобы годных к службе определять в солдаты, а малолетних в школы» [Т. 9. № 7082]. Поводом для его издания послужил конкретный факт, ставший известным Сенату: в Ямбургском уезде у отставных солдат находятся дети, «приспешившие в службу, а живут праздно». В Военную коллегию приказывалось

послать указ о сыске тех детей, определении их в службу и в школы, и впредь смотреть, чтоб в других местах такие дети «праздно не жили», ибо от этого могут быть «токмо одни воровства».

Третий по счету сенатский указ за 1736 г. вышел 1 декабря: «Об отпуске денег на покупку книг и бумаги для состоящих сверх комплекта в гарнизонных школах солдатских детей по ассигнациям Штатс-канцелярии, из неположенных в штат доходов» [Т. 9. № 7115]. Поводом к его изданию явилось доношение Военной коллегии в Сенат, в котором сообщалось: «гарнизонные команды представляют», что для обучения принятых в школы сверхкомплекта учеников «потребны буквари, часословы, псалтыри и писчая бумага и прочее», а денег на это не положено. Коллегия предложила отпускать средства на пособия из тех же источников, что и на содержание сверхкомплектных учеников. Сенат с этим согласился.

Ряд указов посвящался обучению и распределению гарнизонных школьников к делам. 24 марта 1738 г. был объявлен именным указ из Кабинета е. и. в. Военной коллегии «О обучении в гарнизонных школах солдатских детей слесарному мастерству» [Т. 10. № 7544]. Причины его издания излагались в преамбуле: по апробированному Воинскому штату и прежним именным указам положено гарнизонных школьников обучать слесарному мастерству, «дабы оныя впредь при полках настоящими слесарями быть могли: и понеже ныне при армии, также и ландмилиции, в слесарях состоит великая нужда», Военной коллегии приказывалось: «сообщить», чтобы в гарнизонных школах «по несколько человек обучать одному слесарному мастерству с прилежанием, и таких мастеровых людей со временем умножить», ныне же «для необходимой нужды» выбрать несколько обученных и отправить к армии, откуда к которой экспедиции потребно». Если в «Рассуждении» 1732 г. этому посвящался только один пункт, то в 1738 г. был принят специальный законодательный акт.

Именным указ от 6 августа 1738 г. «О обучении солдатских детей в школах грамоте и разным наукам, а неспособных к тому потребным в полках мастерствам» [Т. 10. № 7627] также объявлялся из Кабинета е. и. в. Военной коллегии. Необычность его по сравнению с другими указами в том, что он не имел преамбулы, текст начинался словами: «Ея Императорское Величество указала», и далее шло изложение самих норм: «По данной из оной коллегии ведомости, обретающихся в школах солдатских детей, которых от 15 лет и выше, всех определить в гарнизонные и по близости к тем местам в полевые полки в солдаты; а оставших за тем школьников обучать грамоте и писать и другим наукам». Непонятливых учить «слесарскому, кузнечному, плотничному, столярному, колесному,

портному, сапожному и прочим художествам и мастерствам, какая при армии и полках и по Воинскому штату определено». В этом должны были иметь «крепкое» надзирание губернаторы, воеводы, обер-коменданты и коменданты, предписывалось офицерам об их обязанностях подтвердить. По сути, никаких новых норм этот именной указ не содержал. Можно лишь предположить, что в условиях Русско-турецкой войны Военная коллегия решила не оставлять никого в школах с 15 до 18 лет для изучения «высших наук» — артиллерии, инженерного дела, — как предусматривалось «Рассуждением» 1732 г.

Таким образом, в 20-е гг. XVIII в. верховная власть слабо регламентировала деятельность гарнизонных школ. Но в 1730-е гг. этому было уделено самое пристальное внимание. В 1732 г. школы получили детальную регламентацию в отношении программ обучения, социального состава учащихся, материального обеспечения. Денежных средств, выделяемых штатными нормами, было явно недостаточно для привлечения в школы большинства солдатских детей. Налицо было противоречие между нормами законов, предписывавших детям солдат учиться в гарнизонных школах, с другой — постоянным недостатком штатных сумм на их содержание. Будучи заинтересованной в получении подготовленного контингента войск, государственная власть вынуждена была поддерживать выдачей провианта будущих учеников школ, устанавливая им определенный объем муки и круп в месяц, начиная с младшего возраста.

Бакланова Н. А. Школа и просвещение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954.

Бескровный Л. Г. Военные школы в России первой половины XVIII в. // Исторические записки. 1953. Т. 42.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.

Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств. СПб., 1874.

Военный энциклопедический словарь. М., 2002.

Вольфсон М. М. Из истории школы в Оренбургском крае в XVIII в. // Педагогический сборник. Оренбург, 1960.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365.

Демков М. И. История русской педагогики. СПб., 1910.

Дубасов И. Народное просвещение в Тамбовской губернии // Древняя и новая Россия. 1878. Т. III.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Казанский Н. Ф. Народное образование в Астраханской губернии // Русская мысль. 1898, № 6.

Каллаш В. В. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902.

Кантерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 1909.

Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX вв. Новосибирск, 1974.

Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910.

Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. 1700—1880. СПб., 1880.

Манойленко Ю. Е. Обучение офицерского и рядового личного состава русской артиллерии в первой трети XVIII века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 58.

Медынский Е. Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции : 2-е изд. испр. и доп. М., 1938.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII в. — первая половина XIX в. М., 1973.

Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М., 1973.

Педагогическая энциклопедия. Т. 1. М., 1964.

Петровская учебная выставка в память 200-летия Санкт-Петербурга, устроенная в доме Технологического института 14—19 мая 1903 года. СПб., 1903.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Л., 1933. Т. 3.

ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7—9, 12, 15—17, 19, 24, 25, 42, 43. Кн. 1. СПб., 1830.

Рабинович М. Д. К истории просвещения в России в конце XVIII в. // Исторический архив. 1958. № 1.

Свирская В. Р. Просвещение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. Кн. 10, 12, 15. М., 1993.

Столетие Военного министерства 1802—1902. Исторический очерк. СПб., 1902.

Столетие Военного министерства. 1802—1902. Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. III. СПб., 1903.

Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883.

Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. СПб., б.г.